

УДК 82.09-3

DOI: 10.26456/vtfilol/2024.3.254

ОЧЕРКИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЯПОНИИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКОВ РУССКИХ МИССИОНЕРОВ

А. А. Елкина

Тверской государственной университет, г. Тверь

Статья посвящена анализу репрезентации японской культуры в путевых дневниках русских православных миссионеров – архиепископа Николая Японского и архимандрита Сергия (Страгородского). Применение антропологической теории Клиффорда Гирца помогает понять как религиозное мировоззрение миссионеров повлияло на их восприятие и описание японской культуры. Особое внимание уделяется имагологическому интересу, проявленному в текстах, и их роли в формировании образа японцев в русском сознании, а также подчеркивается важность религиозной перспективы для понимания межкультурного взаимодействия и его последствий для миссионерской деятельности.

Ключевые слова: японская культура, Клиффорд Гирц, Николай Японский, Сергий (Страгородский), православные миссионеры, имагология.

Русской духовной миссии, с начала которой прошло вот уже более полутора веков, посвящено достаточное количество путевых текстов. На протяжении своей истории она встречала множество граней сопротивления со стороны японского общества, обусловленных сложной политической и исторической ситуацией в стране, а также травматичным опытом знакомства японцев с христианством.

Распространение христианских вероучений в Японии начинается в середине XVI века, когда на эту землю ступают первые иезуитские миссионеры и активно начинают вести проповедническую деятельность. К концу века ситуация радикально меняется, когда из-за достаточно грубого отношения иезуитов к местным японским религиям сёгунат начинает видеть в иноверцах политическую и духовную угрозу и активно искоренять плоды их миссионерской деятельности вместе с их распространителями. Запрет христианства на всей территории Японии продолжался вплоть до середины XIX века – практически 250 лет [9, с. 111]. Однако с открытием Японского государства для европейцев начинается история распространения русского православия, прежде всего связанная с именем архиепископа Николая Японского. Святейший и его последователи, одним из которых был и архимандрит Сергий (Страго-

© Елкина А. А., 2024

родский), оставили после себя путевые дневники, огромный интерес к которым существует и сегодня.

Развитие и активное формирование литературного жанра ориентального травелога было обусловлено изменением политики Российского государства в конце XVIII – первой трети XIX века на фоне усиления интереса к восточным странам, особенно Китаю и Японии. Эти произведения не только описывали экзотические ландшафты и обычаи, но и отражали политические амбиции колониальных держав, стремившихся установить своё влияние в регионах Восточной Азии. Поэтому в этот период «русский человек на Востоке», будучи частным путешественником, был также носителем идей русского ориентализма, в рамках которого Россия преодолевала европейские представления о себе как варварской стране восточного деспотизма [1, с. 45]. Именно поэтому японские дневники русских миссионеров являются не только свидетельством переломной эпохи, но и уникальными записями о культуре и религии Японии. Данные тексты, несомненно, представляют большую ценность и вызывают у исследователей имагологический интерес, поскольку взгляд путешественника, связанного с православным вероучением, оказывается важным для формирования и определения национальной идентичности [11, с. 252].

В этой связи интересно проанализировать путевые тексты святителя Николая Японского и архимандрита Сергия (Страгородского) в контексте антропологической теории К. Гирца, который в своей работе «Интерпретация культур» [4] предлагал рассмотрение культурных систем на основе ряда «перспектив», детерминирующих восприятие объекта определенным образом (через символы). Из них он выделяет четыре основных: **религиозную, научную, естественную и эстетическую** [8, с. 7]. В нашем случае важно учитывать именно репрезентацию с позиции *верующего*, поскольку тексты русских православных миссионеров имеют сильную религиозную компоненту.

В рассмотренных путевых дневниках перспектива восприятия *экзотического «другого»* с позиции *верующего* определяет преобладание вербальных образов над визуальными, которые оказываются лишь вторичными воплощениями религиозных догм. Условно она может быть определена по следующим критериям: духовность и религиозность, сакральный контекст, морально-этическая оценка, ритуальность, экзегетический подход. По К. Гирцу, религия поддерживает нормы поведения, представляя их как здравый смысл и реализм. Она придает авторитет определенным символам и метафизике, а также стилю жизни, что позволяет системе ценностей казаться объективной и иметь принуждающую силу. Применение данной репрезентативной модели для анализа путевых текстов позволяет сформировать более комплексное и многослойное по-

нимание взаимодействия русских православных миссионеров с японской культурой, выявляя сложности и нюансы в её изображении русскими наблюдателями.

Описанный в своих дневниках отцом Николаем пятидесятилетний опыт миссионерской деятельности и жизни в чужой стране показал эволюцию японского общества от «языческого» и варварски жестокого и развращенного (каким его считали европейцы), к просветленному, идущему по пути модернизации («единственная по-настоящему серьезная претензия, которую они [первые миссионеры] предъявляли японцам, заключалась в том, что те не исповедуют спасительного христианства и пребывают в языческой мгле») [9, с. 111]. Эту мысль в своих заметках отмечают и другие русские священники. Архиепископ Николай Японский также утверждает, что «японцы отлично усвоят христианство умом, но сердце их не тронуто! Все тот же холодный камень, как и в язычестве» [7, с. 150].

Сама по себе православная миссия ни в коем случае не ставила своей целью насильственную христианизацию японской нации [3, с. 485]. Архиепископ Николай Японский говорил, что важно сначала завоевать любовь народа, а потом уже нести в этот мир слово [10, с. 121]. Он также был убежден, что христианство сможет распространиться на японской земле, поскольку вера в почитание предков и умерших родных оказывается достаточно слабой для удовлетворения потребностей японского народа, «поэтому-то когда-то и пришел сюда буддизм; теперь его гонят, стало быть, оставляют народ без веры: не есть ли это уготовление пути для христианства?» [3, с. 420]. Николай Японский был уверен в том, что каждому народу в этой жизни необходимо услышать Евангелие, а дальнейшее принятие христианства будет зависеть уже от того, «широко или узко он отверзает свое сердце для принятия благодати Божией» [Там же, с. 485].

Святитель в своём дневнике не оставил без внимания и такой важный случай, как покушение на его собственную жизнь [6, с. 415] некоего местного жителя по случаю осквернения, как тот считал, чести всего японского народа и самого императора. Причиной тому послужил русский православный храм в Токио, место постройки которого находилось на холме – гораздо выше, чем императорский дворец. В дневнике отца Сергия (Страгородского) также читаем об этом случае следующее: «Проехавши несколько улиц, выезжаете на пустырь, окружающий императорский дворец – крепость с огромными валами и каналами. Дворец стоит за несколькими стенами и его простому смертному видеть не придется. Только конек крыши можно рассмотреть через стену. Но наше внимание приковал холм, царящий над всем этим круговоротом, а на холме белел наш православный храм, сияя своим крестом на чистом небе. Вот оно,

это знамя Христово, поднятое из самой середины язычества, смело проповедавшее Христа пред лицом всего Мира» [2, с. 119–120]. В основе жестокого поступка этого японца лежит религиозная подоплёка, поскольку для японской нации император, согласно синтоизму, является прямым потомком богини Аматаэрасу и её заместителем на земле, соответственно, и сам приравнивается к божеству. С точки зрения японца «идзины» (чужеземцы), которые ставят себя и своего бога выше императора и его власти, считаются врагами и не достойными жизни: «Синтоизм создал в душе японца патриотизм, уважение к императорскому дому и преданность Японии, но по своему религиозному содержанию он не может наполнить душу мыслящего человека» [3, с. 65]. Излишняя жестокость и «бессмысленный животизм» [2, с. 251], рудиментарные элементы которых остались еще со времен эпохи самураев, неоднократно отмечалась участниками духовной миссии. Архимандрит Сергей (Страгородский) с удивлением отмечает, как могут одновременно в этой культуре сочетаться необдуманное насилие и бессмысленное презрение к жизни вместе с элегантностью манер и этикета: «изящный вид и черствое сердце. Опять вспоминаются японские цветы без запаха и красивенькие птички без пения» [Там же]. Описанный Сергием дуализм внутреннего содержания и внешнего выражения представляет собой концепты «хоннэ» («истинные чувства») и «татэмаэ» («демонстрируемое поведение»), которые своими глубокими корнями тоже уходят в религиозные верования.

Хотя буддийское и синтоистское учения воспринимаются европейцами в контексте язычества, и, по их мнению, оправдывают насилие и жестокость, однако все равно можно увидеть «здоровое религиозное чувство отца Николая, не отравленное современным, чисто гуманистическим восприятием мира» [5, с. 36]. Он уделял внимание не только японскому языку, но также и религиозным учениям японцев, и считал, что, даже посещая буддийский или синтоистский храм, верующие обладают универсальными чувствами, которые могут быть взаимозаменяемы, в том числе и на христианское учение. «Замечательна вообще эта потребность народа в богомольных хождениях. Ее нельзя не иметь в виду при водворении христианства между народом», – пишет Николай Японский [Там же, с. 36–37]. Однако это не отменяет того факта, что архиепископ Николай и архимандрит Сергей считали буддизм путем в «ничто», где «бога нет и быть не может» [2, с. 136–137], ведь «какие могут быть боги у религии, атеистической по существу?» [Там же, с. 223]. Проблему буддизма они также видят и в многочисленных божествах, которых тот может заимствовать из разных религий, чтобы «чем-то занять свой пустой алтарь» [Там же], и в проповеди с пасторским руководством, которые основаны на лжи. «Буддизм есть попытка объяснить Мир и человеческую жизнь без Бога, и, конечно, приходит к полному отчаянию. Цель

его – пустота», – пишет Сергей (Страгородский) в своих философских рассуждениях [Там же, с. 136–137]. Пустота, то есть нирвана, а не обретение Царства Божьего для православного христианина есть ничто иное, как «жалкое бытие без смысла, без цели, с загадкой в начале и с бесследным уничтожением в конце» [Там же, с. 224–225]. Это высказывание является яркой иллюстрацией фундаментального различия в восприятии буддизма и христианства, а также подчеркивает трудности понимания и принятия восточных философских концепций православными миссионерами. Николай Японский придерживается схожей точки зрения и называет буддизм «мертвецом, которого еще не успели похоронить, но это в наступающем столетии сделают» [7, с. 443]. Однако любопытным остается тот факт, что синтоизму святитель все же отдает дань уважения, как «главе древней японской истории, предписывающей уважение к предкам, что совсем не противно христианству, ибо и каждый из нас делает поклон на могиле родных» [Там же].

Сами японцы, по мнению отца Сергея и других европейцев [9, с. 111], похожи на детей [2, с. 157]. Их выдает внешне моложавый вид с трудно угадываемым возрастом, невысокий рост и по-детски наивные и незрелые поступки. Даже еда у них миниатюрная. Святитель Николай пишет о том, что они оказываются весьма подверженными стадному чувству: «Японцы же такой стадный народ, лишь бы кто с закрученными рогами, да из своих, пошел вперед: толпой повалят за ним» [7, с. 241]. Архиепископ Николай Японский и архимандрит Сергей (Страгородский) неоднократно выражают обеспокоенность по этому поводу и задаются вопросом – сможет ли эта страна сохранить свою национальную идентичность и не потеряться в заимствованной европейской культуре? Сможет ли привнести в нее свой вклад или продолжит по-детски слепо подражать всему, что видит? Миссионеры отмечают, что японцы словно наивные дети следуют за Западом и перенимают чужое, теряя свою уникальную культуру. Однако, с другой стороны, они в короткое время сделали огромный скачок в развитии своей страны и культуры в целом, выйдя «на сцену мировой истории уже не в качестве бичующей и разрушающей силы, а в качестве доброго исторического деятеля» [3, с. 425].

Святитель Николай Японский и архимандрит Сергей (Страгородский) выражают *позицию верующего* по долгу миссионера. Однако стоит еще раз подчеркнуть, что у *верующего* вербальное преобладает над визуальным, но не вытесняет его полностью. Для архиепископа на первый план также выходит рациональный аспект, к тому же на нем лежит гораздо большая ответственность по долгу своей духовной миссии. Интереснее всего выглядят очерки отца Сергея, который уделяет большое внимание не только вербальному в контексте религиозного, но и визуальному аспекту, Архимандрит замечает в японской культуре мельчайшую красо-

ту и эстетику во всём, что его окружает. Он оказывается очень тронут великолепием, умиротворенностью и бескрайностью японской природы, о чем многократно упоминает.

Русская православная миссия в Японии сталкивалась со значительными трудностями и сопротивлением, как это видно из детальных записей её лидеров. Эти тексты предоставляют богатый материал для исследования того, как религиозные и культурные идентичности конструируются и репрезентируются, а антропологическая теория подчёркивает важность этих детальных, насыщенных контекстом описаний для понимания культурных явлений и позволяет провести многослойный анализ, выявляя сложности и нюансы в изображении японской культуры русскими наблюдателями.

Таким образом, анализ путевых дневников святителя Николая Японского и архимандрита Сергия (Страгородского) в контексте антропологической теории Клиффорда Гирца показал, что репрезентация японской культуры русскими православными миссионерами была глубоко укоренена в их религиозном мировоззрении. Это подтверждается преобладанием духовных и этических оценок над визуальными наблюдениями, а также устойчивым стремлением адаптировать японские культурные особенности к православной традиции. Подобный подход не только отражает их попытку христианизировать японское общество, но и помогает глубже понять сложные процессы культурного взаимодействия между Западом и Востоком, которые продолжают оставаться актуальными и в наше время.

Список литературы

1. Алексеев П. В. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. 2014. № 2. С. 34–45.
2. Архимандрит Сергей (Страгородский). На Дальнем Востоке. (Письма японского миссионера). Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 384 с.
3. Бесстремьянная Г. Е. Святитель Николай Японский в воспоминаниях современников. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2013. 526 с.
4. Гирц К. Интерпретация культур. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004. 560 с.
5. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Гиперион, 2004. 464 с.
6. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. Т. 2. Санкт-Петербург: Гиперион, 2004. 880 с.
7. Дневники святого Николая Японского: в 5 т. Т. 3. Санкт-Петербург: Гиперион, 2004. 896 с.
8. Килькеев В. Н. Теоретико-методологические принципы культурной антропологии Клиффорда Гирца: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 24.00.01 / В. Н. Килькеев; Белгородский гос. ун-т. Белгород, 2009. 24 с.

9. Мещеряков А. Н. Страна Япония: жить японцем. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2020. 504 с.
10. Скоробогатько Н. В. Для японцев он стал японцем: апостольский путь святителя Николая (Касаткина). Москва: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2016. 192 с.
11. Сорочан А. Ю. Литература путешествий как литература: монография. Тверь: Альфа-Пресс, 2024. 256 с.

ESSAYS ON THE SPIRITUAL LIFE OF JAPAN: ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF THE TRAVEL DIARIES OF RUSSIAN MISSIONARIES

A. A. Elkina

Tver State University, Tver

The article is devoted to the analysis of the representation of Japanese culture in the travel diaries of Russian Orthodox missionaries – Archbishop Nicholas of Japan and Archimandrite Sergius (Stragorodsky). The application of Clifford Geertz’s anthropological theory helps to understand how the missionaries’ religious worldview influenced their perception and description of Japanese culture. Special attention is given to the imagological interest reflected in the texts and its role in shaping the image of the Japanese in Russian consciousness. The article also emphasizes the importance of a religious perspective in understanding intercultural interaction and its implications for missionary activity.

Keywords: *Japanese culture, Clifford Geertz, Nicholas of Japan, Sergius (Stragorodsky), Orthodox missionaries, imagology.*

Об авторе:

ЕЛКИНА Анастасия Александровна – ассистент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Elkina.AA@tversu.ru.

About the author:

ELKINA Anastasia Aleksandrovna – Assistant at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova Str.), e-mail: Elkina.AA@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2024 г.

Дата подписания в печать: 06.09.2024 г.